

Шрамко Олег

Повестка в монастырь

Рассказы

Олег Шрамко

Повестка в монастырь

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шрамко О. Г.

Повестка в монастырь / О. Г. Шрамко — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Автор данной книги – бывший военный. На его жизненном пути встречалось немало людей со своими судьбами, характерами и духовным укладом. Но всех их объединяет дорога, так или иначе приводящая к основной и единственной цели жизни – к Богу. И хотя в предисловии книги автор указывает, что все события являются вымышленными, а любые совпадения с реальными лицами случайны, на самом деле это сделано с той целью, чтобы не обидеть реальных прототипов, многие из которых до сих пор живы.

Содержание

Предисловие	5
Байкер	6
Болезнь	14
В поисках старцев	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Предисловие

Автор предупреждает: все события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными лицами совершенно случайны.

Байкер

Спокойная и безмятежная жизнь закончилась в одну минуту. Только что он был симпатичным с бородкой байкером, любимцем женщин, высокооплачиваемым на своей работе компьютерщиком, как неожиданно из крайнего правого ряда ему наперерез вылетела черная «хонда». Девушка, сидевшая в машине, решила развернуться, не обращая внимания на две сплошные линии. При этом в левое зеркало она, конечно, и не думала посмотреть. Хотя бы ради любопытства. Поэтому удар байка пришелся ровно в ее левый бок. С этого момента секунды стали неожиданно растягиваться, как использованная жвачка.

Он успел еще подумать, что вряд ли после такого удара удастся отремонтировать мотоцикл.

А если и удастся, то сколько это потребует денег...

Да и потом все равно придется его продавать...

Потому что от битой техники надо избавляться и покупать что-то другое...

Хотя цены сейчас такие, что на приличную технику придется собирать долго...

А осенью фестиваль и все приедут на хороших, «прокаченных» машинах...

Удар отбросил его на бордюр. Он пролетел несколько метров и замер в неестественной переломанной позе.

Дальнейшее помнил смутно. Синие огни «скорой», звуки сирены. После обезболивания сознание прояснилось и даже появилось игривое настроение. Он веселил врачей анекдотами и не понимал, почему они не смеются.

Следующим фрагментом, запечатлевшимся в памяти, стала предоперационная. Обезболивание заканчивалось, и сознание стало возвращаться к реальности. Переход от наркотической эйфории к суровой действительности оказался хуже, чем это можно было представить, и он стискивал зубы, чтобы не застонать.

Затем была палата, и скорбные лица родственников. Пришла его девушка и долго стояла с растерянным видом. Потом ушла и больше уже не приходила.

Он постепенно начал восстанавливаться. Хотя, слово «восстанавливаться» мало подходило в данной ситуации. В ходе операции выяснилось, что раздроблен тазобедренный сустав, в нескольких местах переломана бедренная кость, практически разрушено колено.

За одной операцией последовала вторая, потом еще одна. После остеосинтеза, сделали напоследок пластику связок, и сказали, что на костылях нужно ходить не меньше года. Потом – снова на операцию.

Когда находился в больнице, еще ощущался смысл жизни. Несмотря на наличие массы свободного времени, день все-таки расписан и упорядочен: уколы, капельницы, перевязки. Во всем было значение и иллюзия необходимого процесса.

Но когда выписали домой, мир вокруг застыл.

В первые дни к нему еще приходили друзья и знакомые. Жалостливо качали головами и пытались внушить натужный оптимизм. Потом посетителей становилось все меньше.

Он был не в обиде. Понимал, что все идет своим ходом, и у каждого – свои проблемы и обязанности. А он находится на обочине этой жизни. По крайней мере, сейчас.

Появилась огромная надежда вернуться в тот образ жизни, который был до аварии. А что еще оставалось делать? Поэтому жадно набросился на восстановительные упражнения, предписанные лечащими врачами. После тренировок до седьмого пота сначала даже были результаты. Немного стало гнуться колено, уменьшились боли в бедре. Но потом все словно уперлось в стену. Что бы ни предпринимал, прогресс отсутствовал. Да и откуда ему взяться, если

порваны связки. Разве что только на костылях стал ходить более уверенно. Но это разве это то, к чему стремился?

Стараясь чем-то заполнить свободное время, набросился на литературу. Прочитал все, что было дома, многое выбрал из интернета. В массовом количестве смотрел фильмы. Подсел на компьютерные игры. На улицу старался не выходить: стеснялся костылей. Разве что только в магазин, да и то по необходимости.

Когда оформили группу, сразу почувствовал себя инвалидом, и на душе стало совсем тоскливо.

Начал принимать наркотики. Благо, «доброжелатели» нашлись достаточно быстро. К счастью, быстро понял, к чему это может привести и с диким усилием воли прекратил пагубное пристрастие.

Потом втянулся в выпивку. Молодой и крепкий организм позволял выпить много и без особенных последствий для здоровья.

На некоторое время становилось легче. Нудная ноющая боль в травмированных ногах уходила. После значительных доз алкоголя, исчезала и мысль об ущербности. Он снова ощущал себя здоровым и сильным, и только взгляд, брошенный на костыли, периодически возвращал к действительности.

Вызов в областную больницу пришел только через полтора года. Ему предстояла новая, уже шестая по счету операция.

Особенной радости и надежды на нее не было. Вера в то, что когда-то сможет ходить без костылей, постепенно угасала. Но, самое печальное, он начал смиряться со своим состоянием. Можно сказать, приспособился к нему. А еще, если быть до конца точным, где-то в глубине души оно его уже устраивало. Пенсия по инвалидности, конечно, маловата для проживания, но удалось успешно продать в Москве теткинину квартиру. После раздела суммы с братом положил свою часть под проценты. Кроме того, иногда помогали родственники. Так что на скудное, не очень шикарное проживание хватало.

Поэтому однозначно решил, что эта операция для него будет последней. Надоело!

Больница встретила, как своего постоянного жильца. Странно, но здесь он всегда чувствовал себя лучше. Может быть, присутствие таких же, как и он собратьев по несчастью, отвлекало от мысли о собственной ущербности. Или способствовала атмосфера общей взаимопомощи, когда ты относишь судно за послеоперированным товарищем, зная, что после операции кто-то поможет и тебе. На санитарок какая надежда!.. Все в целом формировало чувство нужности. А может, настроение повышало просто отсутствие приторного сострадания друг к другу.

Но внесли изменения в график, и операцию отложили до следующей недели. Возникла необходимость еще в кое-каких анализах. Здесь с плановыми операциями не спешили. А уж он тем более не торопился.

В этот день на душе было муторно. Причиной тому: день рождения. Впервые его пришлось встречать в больничных стенах. Он не хотел никому говорить в палате, зная, что это вызовет неприятный интерес и глупые поздравления. Чтобы развеяться, после тихого часа оделся и вышел прогуляться по территории.

Свежий воздух ворвался в легкие. Весна уже вступала в свои права, и солнце становилось все теплее. На асфальте растеклись огромные лужи, в которых отражалось хмурое небо.

Старательно обходя на костылях проталины, он неторопливо заковылял по дорожке.

«Может, до магазина добежать? – Щелкнуло в голове. – Отмечу по-тихому... Сам».

Он залез в карман куртки. Денег должно было хватить.

Магазин находился за забором. На проходной дежурила охрана, но сторожа с понятием смотрели на мужиков, ныряющих через ворота, чтобы хоть как-то скрасить унылую больничную жизнь.

Дорожка огибала корпус, проходила извилистой тропой между другими зданиями. Проходя мимо радиологического отделения, он бросил взгляд на окна второго этажа.

И увидел ее.

Она смотрела в окно. Встретившись с ним глазами, помахала рукой.

Он в ответ тоже машинально махнул и, неожиданно для себя остановился.

Расстояние до корпуса было небольшим, и можно рассмотреть, что девушка была, если не красива, то очень привлекательна. Вот только платочек, повязанный низко на лоб, делал лицо немного смешным. Так повязывают платок онкологическим больным. Когда после проведенного лечения выпадают волосы.

Она заулыбалась и замахала рукой еще больше.

Он тоже улыбнулся, почему-то смутился и поспешно заковылял дальше.

«Вот и познакомились!»

Пройдя несколько метров, вздрогнул от неожиданно посетившей мысли.

«А ведь я выйду отсюда рано или поздно! На костылях или без них. А она?..»

Почему-то стало неприятно и жутко.

«И я еще на жизнь обижаюсь?..»

В магазин он так и не пошел. Пропало все желание.

В палате никак не смог отвлечься. По ноутбуку попытался посмотреть какой-нибудь фильм, но мысли уходили в сторону, и, накрыв голову подушкой, чтобы не мешали соседи, заснул.

На следующий день он едва дождался окончания тихого часа. Быстро оделся и пошел прямо к радиологическому корпусу.

Девушка уже была на том же самом месте, словно и она ждала этой встречи.

Они замахали руками, как добрые приятели.

Она что-то ему попыталась сказать, но толстое стекло не пропускало звуки.

Тогда он жестами попытался пригласить ее на улицу. В ответ она засмеялась и огорченно развела руками: «мол, нельзя, не пускают». Он тоже жестами попытался выразить свое сожаление.

Так они стояли и переговаривались. Только обманчивая весенняя погода и наступающий вечерний холод заставили прервать их встречу.

В палату в этот раз возвращался в приподнятом настроении, которого у него давно уже не наблюдалось.

«Вот и получил подарок ко дню рождения!», – подумалось ему.

На следующий день все повторилось снова. Жестами они переговаривались, как старые друзья. И, что самое интересное, друг друга понимали.

А на следующий день ему неожиданно назначили операцию. Она оказалась сложнее, чем в прошлые разы – и по длительности, и по объему оперативного вмешательства.

Потом почти неделю отходил после наркоза: с каждым разом он давался ему почему-то все хуже. А когда появились силы выйти на улицу, девушки в окне уже не было.

Хотя, чего и следовало ожидать. Столько прошло дней! Наверное, уже выписалась.

На душе заскребли кошки. Он сам не заметил, как привязался к ней.

«Надо будет после выписки ее найти! Обязательно найти!»

После операции пролежал еще почти две недели и все это время в голове вертелись мысли:

«Ну и что, что онкология! Сейчас и после онкологии живут! И выздоравливают. Это же не то, что раньше! Познакомимся, я еще парень ничего! Мне бы только вес немного сбросить, а так...»

Мысли взлетали все выше, и от этого на душе становилось хорошо. Впервые, за многие годы, жизнь приобретала смысл.

В день выписки, едва дождавшись документов, он отправился в соседний корпус. Но весь разработанный план рухнул в первые же минуты.

Сначала на входе вахтерша строго спросила:

– Вы к кому? У нас посещения строго ограничены!

«Если бы я знал – к кому!»

– К заведующему отделением, – догадался ответить он. – На консультацию.

Его заставили надеть бахилы, переписали данные паспорта и только тогда пропустили.

В отделении понял, что спросить о девушке, которая у них лежала, даже если объяснить ее приметы, нереально, если не глупо. Врачи бегали с деловым видом, он попытался с кем-нибудь поговорить, но от него отмахивались, как от назойливой мухи.

Наконец удалось поймать молодого ординатора.

– Я извиняюсь, – сбивчиво начал он. – Здесь у вас недавно девушка лежала. В окно смотрела. Я бы хотел узнать про нее.

Ординатор недоуменно вытаращил глаза.

– Какая девушка? Куда смотрела?

– Ну, в окно. Которое на дорогу выходит, в смысле, на территорию ...

– Что за ерунда! У нас на территорию выходят окна подсобных помещений и операционная. Там в принципе больных быть не может!.. Она вам родственница?

– Нет, знакомая.

– Посторонним людям консультации не даем. Всего доброго!

И ординатор побежал дальше по своим важным ординаторским делам.

В растерянности, он стал у стенки. Действительно, ситуация выглядит глупо. Спросить еще кого-нибудь? Так он даже не знает, как ее зовут.

С тяжелым сердцем уже повернулся, чтобы уйти, но тут увидел дверь с надписью «сестра-хозяйка».

Вот кто должен все знать! Только бы тетка нормальная была!..

Тетка, в принципе, оказалась нормальной. Сначала долго не понимала, что от нее хотят, но потом, после объяснений, до нее стало немного доходить.

По возможности точно он попытался описать ее приметы.

Сестра-хозяйка задумалась.

– А-а!.. – Наконец вспомнила она. – Еще в голубеньком платочке всегда?..

– Да, да! Платок был голубым!

– Только видишь, какое дело. Действительно, лежала такая пациентка у нас. Точно, как ты описал: Зоя Анисимова из Балашихи. Тяжелая опухоль у нее была. Вот только умерла она. Еще в прошлом году. Не мог ты ее видеть.

– Как умерла?– Спросил он треснувшим голосом. – Может, это другая какая-нибудь? Я же ее недавно видел! Вон в том окне стояла и смотрела!

Он буквально заставил выйти сестру-хозяйку в коридор. Выглянул на улицу и попытался сориентироваться.

– Точно! – Обрадовался он. – Только немного в стороне. Вон там!..

– Что-то ты путаешь, мил человек. – Вздохнула сестра хозяйка. – Там у нас автоклавная. Мы сами редко туда ходим, а уж больным и подавно делать нечего. Да и дверь всегда на ключ запирается!

Женщина жалостливо смерила его взглядом.

... Дорога домой впервые не радовала. Хотелось вернуться, словно позади осталось что-то дорогое. Такси довезло почти до подъезда. С трудом вылез из салона, путаясь в костылях. Посмотрел на окна своей квартиры. Темные окна показались чужими и неприветливыми. Жить не хотелось.

...У монаха Антипия одно из самых тяжелых послушаний. Он убирает всю территорию, а также подъездную дорогу. Независимо от погоды монастырь должен быть чистым и ухоженным. Летом добавляется работа в огороде и на пасеке. Кроме того, нужно следить за цветником. Но Антипий с обязанностями справляется. Только когда особенно начинает ныть нога и хромота становится более заметной, он берет палочку. Вечером хорошо помогает мазь, которую передал знакомый послушник из монастыря Ксилургу. Если растереть колени и замотать теплым шарфом, к утру боль проходит.

На душе спокойно. Только иногда приходит мысль из прошлого и начинает терзать его душу. Он понимает, что это грех и постоянно исповедуется своему духовнику, но ничего не может сделать.

А грех называется высокоумием. Не следует вопрошать того, что скрыто от человеческого разумения.

Но мысль егозит все больше и нудно теребит старческий ум: если после смерти он попросит Бога, тот позволит ему встретиться с Зоей Анисимовой из Балашихи?

Наверное, позволит. Разве он может отказать монаху?..

Бег

Пыль. Она повсюду. На зубах, на лице, в складках длинной и черной одежды. Солнце над головой висит как фонарь, заливая каменистую дорогу жарким и ярким светом.

Антоний оглянулся и посмотрел на гору. Она ясно виднелась в голубом прозрачном небе. Значит, по преданию, Матушки на Афоне нет – помогает где-то страждущим. Поэтому хотя Антоний и устал, можно рассчитывать только на свои силы.

А между тем дорога поднималась все круче, петляя между пыльными холмами.

Было тихо. В зарослях деревьев стрекотали какие-то птицы, да редкий ветер производил загадочный шепот в зеленой листве.

Антоний любил свое послушание. Ему часто поручали ходить между монастырями, выполняя функции своеобразного курьера. Машины у них, конечно, были, но предназначались для других, более важных дел. Иногда, особенно в непогоду или когда требовалась срочность, для него выделялся транспорт. Но чаще всего приходилось передвигаться пешком. Антония это не огорчало. Внешне всегда хмурый и неразговорчивый, он и на самом деле больше всего любил уединение. Одиночество требует уверенности, а уверенность приводит к счастью. Тем более, что дорога никогда не бывает однообразной. Как никогда здесь не бывает однообразной погода. Редко когда стоит затишье. Такое, что слышны шаги на каменистой тропе. Но чаще свежий ветер приносит прохладу с моря и, кажется, здороваешься, пробегая по потному лицу. Иногда набегают тучи, предупреждая о коротком и теплом дожде. А дорога между тем то извивается как змея, словно не желая, чтобы по ней шли, то становится прямой и ровной, сама приглашая к длительному путешествию.

Но сегодня он посетил два отдаленных монастыря и уже здорово устал.

Да и суставы в последнее время начинали беспокоить все больше и больше.

Когда становилось особенно тяжело, он сначала про себя, потом шепотом, затем во весь голос проговаривал Иисусову молитву. Тогда возникало ощущение, что сил прибавлялось. Шаги приобретали четкость, ровно впечатывая каждое слово: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного!»

Да и как же им, суставчикам, не болеть. Сколько пройдено в этой жизни, сколько пробегано...

Монаху не пристало возвращаться к прежней жизни, но память все равно выхватывала куски из прошлого, раскручиваясь перед глазами, как лента из фильма.

...Десятку старались бегать в самый жаркий день. Такая была шутка у ротного. Капитан сам первым переодевался в ОЗК (общевоинской защитный комплект) и становился во главе колонны. Его сил хватало не только на то, чтобы поддерживать заданный темп, но и передвигаться между людьми, пинками подгоняя личный состав.

Поэтому зная, что будет дальше, перед построением народ не торопился. Растягивал время, словно это позволило бы предотвратить предстоящую экзекуцию. Не спеша, с деланной тщательностью затягивал ремни, подгонял сумку противогаза, проверял заклепки на одежде. На что они рассчитывали? Что капитан передумает, и рота займется чем-либо более приятным? Нет, конечно. Просто подсознание непроизвольно тянуло время, отлично сознавая, что ждет организм впереди.

– Ну, все готовы? Стать в строй!

Капитан был бодр до возбуждения. Возможно, беседа с психоаналитиком выявила бы у него скрытый мазохизм. Но в те времена еще не слышали таких слов.

Шеренга космонавтов в белой защитной резине неуклюже выровнялась.

– Ставлю задачу! Бежим как всегда: от автопарка до технической территории. По дороге, со стороны сопки отражаем атаку вероятного противника. После короткой и победоносной схватки быстро поднимаемся и бежим дальше. С ходу захватываем котельную, в которой, по данным разведки, также находится проклятый враг. И успешно его побеждаем. Потом с победоносным криком «ура!» врываемся на техтерриторию и занимаем укрепленные позиции. Всем ясно?

Народ угрюмо кивнул. Что тут непонятного? В прошлый раз треть роты не дотянула даже до котельной: упали в обморок от теплового удара. Кто бы только сказал, как кричать «ура» в противогазе?

– Отлично! Ваши радостные лица говорят, что задачу поняли все. Команда – «газы!»..

Капитан был командиром роты охраны и изо всех сил пытался вывести роту на первое место по флоту. Без этого, как намекнули старшие товарищи, не видать ему должности заместителя начальника штаба вплоть до окончательной победы мировой революции.

Зашелестели резиновые костюмы, защелкали кнопки на противогазных коробках. Космонавты превратились в слоников, булькающих выпускными клапанами.

– Бегом марш!

Затопала рота, захрипели противогазы.

Потекли первые струйки пота по спине, лицу, закрывая обзор, туманя стекла влажным паром. С одной стороны это было даже хорошо. Дорога, которая петляла между сопки, уходила куда-то в бесконечность и постепенно исчезала. Можно было сосредоточиться на единственной мысли: «Добежать!..». О победе над вероятным противником не хотелось думать с целью экономии сил.

Кустарник у сопки, который и был, наверное, вероятным противником они победили достаточно быстро. Некоторые, правда, потеряв ориентацию, врезались прямо в густые ветви и там застряли, используя шанс для отдыха. Со стороны это напоминало братание на фронте. Отстрелявшись холостыми патронами и с трудом передвигая ноги, рота побежала дальше.

С боем котельную уже брало человек десять. Остальные составили безвозвратные санитарные потери. Кочегары, которым посчастливилось числиться в другой роте, называемой ротой отделения главного механика, лениво загорали возле тачек с углем. При появлении шатающихся зомби в белых одеждах, понимающе вздохнули и повертели пальцем у виска.

– Не везет парням! Не доживут до дембеля.

– Судьба!..

Философски они покачали головами.

Техническая территория маячила в потном тумане, как несбывшаяся мечта и ей не хватало только вывески с огромными буквами: «РАЙ».

Офицеры и личный состав, направляющиеся на обед, при встрече с грозным боевым подразделением, даже не удивились. Уступили дорогу и продолжили путь в столовую. Поэтому сопротивление было оказывать некому по определению. Укрепленные позиции оказались пустыми.

А счастье на земле, оказывается, есть. И даже совсем близко. Для этого нужно просто сорвать противогазную маску и вдохнуть свежий, без запаха резины, воздух.

Эйфория тут же проникла во все клеточки измученного организма, и даже капитан вдруг стал близким, почти родным человеком. Видимо, сказывались последствия кислородного голодания. Счастье усиливалось от созерцания начальствующего лица. Оно было таким же грязным и уставшим, как и у всех, а из голоса исчезли нотки превосходства и сарказма.

– Молодцы, воины!.. Боевую задачу выполнили!

Голос звучал хрипло, пропуская отдельные буквы.

Капитан обвел взглядом осунувшийся личный состав и, видимо, желая приободрить, долго выбирал подходящие слова. Но в мозгах, поврежденных сначала в военном училище, потом на службе, не рождалось ничего ласкового. Наиболее подходящей оказалась фраза, которую капитан тут же и выдал:

– В следующий раз будем сопку брать!..

Кто-то на заднем плане от избытка чувств упал в обморок.

... Антоний улыбнулся. Никогда в жизни он потом никогда не видел, как после таких забегов пот из сапог можно было выливать, как воду.

Антоний остановился и посмотрел вверх. Солнце было в самой высокой его точке. А идти предстояло еще долго. Антоний вздохнул.

Неожиданная мысль пришла в голову: а не вспомнить ли былое?

Антоний оглянулся: никого.

Да и кто здесь может быть?

Одной рукой он подтянул подрысник, другой придержал котомку. Наклонил слегка туловище вперед и, стараясь, не сбивать дыхание, побежал.

Ботинки глухо топали по каменистой почве, дыхание вырвалось короткими толчками, сердце сразу заколотилось от непривычной нагрузки.

«Давай, не сачкуй! Вперед, доходяга!», – подгонял он себя.

На удивление скоро организм вошел в ритм, и даже дыхание стало ровнее. Ноги отстукивали темп, тело, казалось, растворилось в полете. Справа проносилась каменистая осыпь, слева мелькали отблески моря. Дорога мелькала, унося в неизведанные просторы.

«Ничего не забыл! Я снова бегу, как в молодости!..»

– Я бегу-у-у!..

Он прокричал восторженно, упиваясь своей силой и еще оставшейся выносливостью.

Его переполнили радость и веселье.

И упал...

То ли подвернулся камень, то ли ноги запнулись, но он проехался по земле, роняя котомку, путаясь в одежде и раздирая в кровь ладони.

С кряхтением, приподнялся на четвереньках, тяжело дыша.

Долго стоял, опираясь на коленки и успокаивая дыхание. Потер кулаком поясницу.

– Вот искушение! Это же надо! Видел бы кто...

Он испуганно оглянулся. Слава Богу, вокруг – ни души!

Наклонился из стороны в сторону, несколько раз присел, прогоняя усталость.

Затем сел в придорожную траву, вытер потное лицо рукавом рясы, подул на расцарапанные руки.

Даже птицы, казалось, притихли от этого неожиданного на Святой горе зрелища.

Антоний лег на спину. Голубое небо по-прежнему было бездонным и бесконечным.

И тут на него напал смех. Он захохотал громко, безмятежно и совершенно не заботясь о том, что его кто-нибудь может увидеть и попрекнуть в неприличествующем для монаха поступке.

Отсмеявшись, он поднялся, отряхнул с себя пыль, подобрал котомку. Надо идти дальше.

Взгляд упал на гору. Она была окружена, как колечком, полупрозрачным облачком.

«Слава Богу за все!» – С радостью сказал Антоний и ускорил шаг.

Дорога резко ушла вниз и стали видны голубые купола монастыря. Ну вот, почти пришли. Осталось совсем немного.

Болезнь

С Афона люди возвращаются совсем другими. Интересно наблюдать эту метаморфозу, когда плывешь с паломниками на «Святой Анне» сначала туда, а потом обратно. На пути к Афону все оживлены, радостно обозревают морской пейзаж, кормят чаек и фотографируются. Когда плывут обратно, лица становятся сосредоточенными и задумчивыми.

Жены, встречающие их в Уранополисе, удивляются таким переменам. Провожали шумных, суетливых мужей, а встречают суровых мужчин в состоянии непонятного эйфорического ступора: мысли витают где-то далеко, на вопросы не отвечают, в глазах блестит загадочная мечтательность.

Озираются и с легким раздражением спрашивают, почему все вокруг так громко разговаривают?

Потом все приходит в норму, и жизнь снова затягивает в свое обыденное русло.

Но Афон – великая «правилка», и люди постепенно делаются другими. Медленно, но неуклонно в них что-то меняется, словно продолжить начатый рассказ предложили другому писателю.

Одни сюда приезжают, чтобы хоть немного прикоснуться к святости. И это, действительно, дается каждому, в той или иной степени. Кто-то полной душой ощущает благодать, и весь мир меняется на глазах. Некоторые не чувствуют ничего, кроме усталости от длительных переходов и ночных служб. Но проходит время, и потом все равно становится хорошо. По прошествии многих лет скрупулезно рассматриваются карты острова, фотографии святых мест, запоем читаются книги об этом уникальном месте. И вот однажды постепенно возникает зудящее желание приехать сюда снова. В таких случаях говорят, что Афон не отпускает.

Приезжают и случайные люди. Одни – чтобы просто поглазеть на христианские святыни. Другим надоели фешенебельные курорты, и захотелось разнообразия. Кто-то просто захотел похвастаться, что был здесь.

Но интересно – после посещения Афона меняются все. Независимо от цели приезда и исходного состояния души.

Однако некоторые стремятся за иным. Им не до святости и их видно сразу. Они мечутся от монастыря к монастырю, выискивают неведомых старцев, прикладываются ко всем доступным святыням. Вид у них обычно нездоровый, некоторые приезжают с сопровождающими. Это – больные люди, чаще всего с онкологией. Потерявшие надежду на медицину, они надеются на чудо и помощь свыше.

Очень часто они ее получают. Некоторые выздоравливают вовсе, другие получают отсрочку для приведения в порядок своих дел.

Но некоторые просимого не получают. Почему всем дается по-разному? Да кто же его знает! На все воля Божия! Сверху виднее, кого забрать, а кого оставить.

Этот паломник мне сразу бросился в глаза. Может быть потому, что задержался у нас больше, чем остальные. Обычно, после одной – двух ночевок группа отправляется по другим монастырям. Наверное, это и правильно. Люди хотят увидеть как можно больше. А этот остался на несколько недель и с таким отчаянием бросился постигать монашескую жизнь, словно мы, монахи, знаем волшебное слово и можем без очереди пропустить к заветному окошку.

Он посещал все наши службы, хотя для не подготовленного человека они очень трудны и утомительны. Напрашивался на любое послушание и любую работу. Правда, было видно, что труд дается ему нелегко: он быстро задыхался, часто прижимал руку к груди, лицо покрывала нехорошая бледность. Когда сухой кашель начинал сотрясать слабое тело, он отворачивался и укрдкой глотал таблетки одну за другой.

Часто общался с настоятелем. С ним они вели долгие и обстоятельные разговоры. Хватал за рукава монахов, преимущественно старых и что-то спрашивал. С усердием постигал церковнославянский язык и замысловатые обороты Псалтыря. Все время хотел отправиться на поиски таинственных старцев.

Утопающий хватается за соломинку. Так и он метался, пытаясь получить помощь от кого бы то ни было.

К окончанию своего пребывания немного успокоился. Видимо, беседы с монахами сделали свое дело. Теперь оставалось уповать на милость Божью.

Так получилось, что мне нужно было в Карею. Настоятель попросил заодно проводить нашего паломника, к которому уже все успели привыкнуть и полюбить.

Монастырский старенький автобус с натугой запылел по каменистой дороге. В окнах медленно проплывали покрытые яркой зеленью горы.

На пристани, в ожидании парохода, разговорились.

– А знаете, отче, – сказал Михаил, так его звали. – Мне ведь здесь действительно стало лучше. Во всяком случае, спокойнее. На многое открылись глаза. Но хотелось бы, конечно, еще немного пожить. Страшно ведь умирать. Завидую я вам, монахам. У вас, наверное, все по другому?

– Нет, – ответил я. – Мне тоже страшно. Да и всем, кто здесь. Только страх наш немного в другом. Мы боимся не смерти самой по себе, а того, что придется отвечать за свою жизнь. Люди думают, что если монах, так уже и заказано место в раю. Если бы! На самом деле с нас еще больше спросится! Вам, мирянам, сделают поблажку. Так сказать, со скидкой на человеческие слабости. А для нас никакой снисходительности не будет!

Михаил вздохнул:

– Все равно страшно. Да и не хочется. Только сейчас стал понимать, как хорошо вокруг. А дома семья ждет, работа. Знаешь, отче, мы с женой всю жизнь жили небогато. Да и какое богатство у рядового инженера? Но жили душа в душу. Никогда она меня не попрекала, что мало зарабатываю. А теперь предложили должность в крупной компании. Зарботок такой, что мне никогда не снилось. Живи, да радуйся!..

Он посмотрел в сторону моря. Солнце постепенно клонилось к закату. Зеленые волны накатывались на берег и с шипением исчезали в крупной гальке. Пронзительно кричали чайки.

На горизонте показалась «Святая Анна». Пароходик, сделав крутую петлю, направился под прямым углом к пристани.

Народ засуетился, подхватывая рюкзаки и котомки.

– Пора, – сказал Михаил. – Слышишь, отче, помолись за меня. Ты все-таки ближе к Нему.

– Все мы к нему одинаковы. Но я помолюсь. Конечно, помолюсь.

– А знаешь, отче, я здесь совершенно перестал бояться смерти. Да и мытарствами меня не пугаешь, хотя, может, это и неправильные мысли. Но когда ко мне подступят бесы со своими списками, я скажу: закройте свои блокноты, ребята. Про свои грехи я могу рассказать даже больше, чем у вас написано. И я раскаиваюсь не только в них, но и во всей своей жизни. И мне очень за нее стыдно. Но я знаю, что меня оправдает: оказывается, вся моя жизнь была Дорогой к Богу. И ему одному меня судить. А в рай мне и не надо. Мне бы где-нибудь рядышком, на порожке посидеть...

Кораблек с шумом подошел к берегу, опустилась аппарель, и люди поспешно стали вбегать на палубу.

Я широко перекрестил уходящего. Конечно, я помолюсь за раба Божьего Михаила.

Но результат мне, к сожалению, был уже известен.

За спиной Михаила стояла Тень. Она всегда приходит перед смертью. Я почувствовал ее, когда еще подходили к пристани. А здесь под лучами солнца она стала еще более заметной.

Я долго стоял на берегу, провожая взглядом уходящий корабль. Свежий морской ветер дул в лицо, охлаждая разгоряченное под солнцем лицо. На горизонте далеко замаячила дымка, означающая приближение дождя. Надо было спешить в монастырь до наступления непогоды. Тем более, что в Карее нужно решить еще кое-какие дела.

Краем глаза я увидел, как сбоку появилась Тень.

Она застыла рядом со мной, не двигаясь, тоже провожая паломников.

– Неужели ничего нельзя сделать? – Спросил я.

– Через год он станет заместителем генерального директора. – Словно продолжая начатый разговор, сказала Тень. – А потом и генеральным. Он, действительно, хороший инженер. А через полгода пойдет на обман, чтобы повысить курс акций. Махинация вскроется, делом займется прокуратура и, чтобы уйти от позора, он закончит жизнь самоубийством. А этот грех, как ты знаешь, не прощается. Что остается делать?

Я вздохнул, поднял с земли котомку, перекинул через плечо.

– Тебе, конечно, виднее!

Я повернулся и пошел в гору к ожидавшей меня машине. Надо было успеть еще многое сделать.

Но, самое главное, помолиться за раба Божьего Михаила.

В поисках старцев

... Камень покатился с горы вниз, увлекая по насыпи груды мелкого щебня.

– Держись! – Прокричал Игорь.

Я схватился за протянутую руку и тем самым остановил свое падение.

Твердый и прочный на первый взгляд наст оказался предательски ненадежным. Торчащие из осыпи камни при малейшей нагрузке на них скатывались вниз, не желая быть опорой.

Сверху Сергей бросил веревку. Я тут же ухватил свободный конец и перемотал его через руку.

Уже кое-что!

Теперь можно было передохнуть. Я тяжело дышал, и мой хрип, казалось, эхом отдается в скалах. Внизу до сих пор слышался шорох и стуки от падающих камней.

– Нужно взять левее, – сказал Игорь. – Видишь, там площадка. И валуны гораздо больше. По ним и спустимся.

Я кивнул. Другого пути, действительно, не было. Если спускаться здесь, то все вместе свалимся с огромной высоты прямо в море. Оно с угрозой синело далеко внизу.

– Отдыхались? – Прокричал сверху Сергей. – Нам нельзя задерживаться. Скоро темнеть начнет.

– Страхуй! – Бросил я Игорю и перевернулся на живот. Левой ногой уперся на кусок скалы и рывком перебросил на нее вес тела.

Порядок! Теперь более-менее устойчиво.

Затем осторожно перебрался по камням, помогая себе руками.

Сверху напряженно наблюдали за моими действиями товарищи.

– Ну, как? – Крикнул Игорь.

– Нормально! Можно двигаться! Давайте следом!

Я прошел еще дальше. За мной, подстраховывая друг друга, спустились Игорь с Сергеем.

Заветная площадка оказалась дальше, чем на первый взгляд. В горах это так и бывает. И когда мы до нее добрались, совершенно выбились из сил.

Но наши усилия были вознаграждены. Площадка оказалась довольно вместительной, чтобы разместиться на ночлег. Палатку поставить, конечно, невозможно, да и о костре на таком ветре следовало забыть, но залезть в спальник и забыться чутким сном, для нас уже было предельно мечтаний.

Расположившись, мы стали вытаскивать консервы, хлеб, завернутый в целлофан, пластиковые бутылки с водой. Хотя аппетит от усталости отсутствовал напрочь, силы поддержать было нужно.

– А вовремя мы эту площадку заметили, – сказал Игорь, глядя в темнеющее безбрежное море. – Еще немного, и я не знаю, как бы мы спустились.

Я глянул вниз. До ровного участка земли еще достаточно далеко, а сумрак уже заполнял пропасть.

– Говорил же, по тропинке надо идти! – Игорь вздохнул. – Теперь здесь застряли!

– И что бы ты увидел с тропинки? – Сергей меланхолично жевал черствый хлеб. – А так пещеру нашли.

– Которая оказалась пустой!

– Но кто-то же раньше жил!

– Конечно, кто спорит?

Мы замолчали. Поддерживать разговор не было ни сил, ни желания. Да и поднявшийся ветер не прибавлял настроения. Потихоньку стали укладываться на ночлег.

Эту пещеру мы обнаружили совершенно случайно. К ней не вела ни одна тропа, и обнаружить ее можно было только случайно из определенного места снизу. Да и то, если присматриваться.

С побережья подняться показалось нереальным, и лучшим вариантом мыслился спуск сверху. Что тоже потребовало колоссальных нервов и здоровья. Мы убили почти полдня, чуть не свалились с обрыва и устали до дрожи в ногах.

В пещере, действительно, раньше кто-то жил. Причем, судя по всему, давно. Пожелтевшие от времени иконы взирали на нас со стен блеклыми выцветшими квадратиками, сбоку стояла грубо сколоченная кровать. Тут же находилось что-то наподобие стола, выдолбленного прямо в скальном грунте. Полки хранили остатки истлевших припасов. И больше ничего.

Как добирался до пещеры тот, кто здесь обитал, неизвестно. Тем более, зимой и в непогоду. Если три здоровых мужика с навыками альпинизма проникли сюда с таким трудом, подвергая свою жизнь опасности, а тело – запредельным нагрузкам.

Но, главное, пещера оказалась пустой, поэтому все наши труды пропали напрасно.

Мы старались друг на друга не смотреть.

– Ну что ж, – сказал Игорь. – Отрицательный результат – тоже результат.

– Да, видимо ошибся тот монах с Пантократора. – Кивнул головой Сергей. – Здесь уже сто лет никто не живет. Но как же все-таки ему доставляли припасы?

Оставив вопрос без ответа, мы начали более тщательно осматривать помещение. Однако ничего заслуживающего внимания больше обнаружить не удалось.

Хотя ощущения присутствия хозяина витало в воздухе.

Видимо, у всех возникло похожее чувство. Словно мы без спросу проникли в чужое жилище.

Поэтому Сергей сказал:

– Давайте уходить отсюда. Тут только одна пыль. А здесь темнеет быстро!

Так мы начали спускаться вниз.

... Расположившись по спальникам, мы долго не могли уснуть, несмотря на усталость. Это был предпоследний день нашего здесь пребывания. Диомитрион заканчивался. А результата нашей экспедиции так и не было. Сплошная неудача.

Мы приехали, чтобы искать неведомых старцев. О том, что они существуют, не сомневался никто. Свидетельств собрано предостаточно. Хватило бы даже только тех, о которых мы услышали. На Афоне об этом знает каждый монах. Правда, поиски старцев не приветствуются. Может, это и правильно. Царствие Божье надо искать внутри себя. Но у всех членов нашей маленькой поисковой экспедиции не было другого выхода. Подобно тому, как в «Сталкере» люди искали заповедную комнату, где исполняются все желания, так и мы стремились к неведомым старцам со своими проблемами.

У Игоря, старшего из группы, у дочки была онкология. Лечение у лучших профессоров Москвы к успеху не приводило. Курсы химиотерапии только ухудшали общее состояние, и вместе со здоровьем таяла и надежда.

Сергей окончательно запутался в жизни. Бизнес дал трещину, в семье не заладилось, жена стала попрекать за бестолковость и неумение обеспечить ей прежнее благосостояние.

А я... Я просто хотел посмотреть на тех, кто поднялся выше человеческой обыденности. Глупо? Может быть. Но вы никогда не смотрели в детстве в телескоп? Вы отлично понимали, что до этих звезд вам никогда не дотянутся, но продолжали смотреть, наслаждаясь их красотой.

Вот, вкратце, и все о нас. Мы не слишком распространялись о своей жизни, да это и ни к чему. Познакомились случайно, но подружились крепко и серьезно. Ребята оказались надежные, всегда готовые прийти на помощь.

План отличался своей простотой: ночуем по возможности в ближайших монастырях, а рано утром отправляемся на поиски старцев. Обследовать мы решили южную оконечность ост-

рова, как наименее обжитую и труднодоступную. Рюкзаки набиты продуктами, имелась даже палатка и на каждого – спальник. Все не раз ходили в туристические походы. Если не в ближайшее время, то в молодости точно. Кроме того, каждый служил в армии. Поэтому сложностей быть не должно. Так мы, во всяком случае, думали.

Проблемы начались уже в первый день.

Во всех монастырях, где только не останавливались, заводили разговор о невидимых старцах. Паломники, с которыми пришлось общаться, знали не больше нашего, на уровне сказаний и легенд. Монахи не понимали, о чем идет речь, а когда разъясняли, пожимали плечами и уходили от ответа. Некоторые сердились, говорили, что не тем занимаемся. Когда срок нашего пребывания на острове подходил к концу, один старый монах в Пантократоре сказал, как слышал от кого-то, что то, что мы ищем, находится на южном склоне горы, в скалистых обрывах. И показал место на карте.

Обрадованные, на следующее утро мы были уже в пути. И вот такой результат.

... Ночь оказалась весьма тягостной. К утру ветер усилился, стало холодно даже в надежных спальниках. Вне стен монастыря ночевка оказалась не очень уютной. Хотелось спать, но все с нетерпением ждали утра. И как только появились первые лучи солнца, начали спуск вниз. В этот раз обошлось без происшествий. Выбранный путь оказался действительно наиболее удобным и через несколько часов были у самой кромки моря.

Но здесь судьба снова над нами посмеялась. Идти по побережью оказалось делом совершенно невозможным. Можно, конечно, пройти несколько метров, но потом скалы тупо упирались в воду. Оставалось или снова подниматься вверх, или огибать их водным путем, что в наших условиях, конечно, совершенно исключалось.

В отчаянии все посмотрели на вершину горы. Мы оказались в каменной ловушке. Для подъема, учитывая израсходованные силы и нависающие прямо над головой каменные отлоги, желание отсутствовало. Однако другой выход не просматривался.

– Вперед? – Унылым голосом спросил Игорь.

– Подожди, отдохнем немного.

Мы присели на огромные валуны. Море равнодушно плескалось на мокрый песок, словно издеваясь за нашу дерзость.

– Если что, нас здесь и не найдут, – сказал Сергей. – Вон места какие дикие. И ни человека вокруг.

Мы посмотрели по сторонам.

Я пожал плечами.

– Может, и найдут. Когда-нибудь. Археологи.

Юмор не возымел действия. Никто даже не улыбнулся.

Громко кричали чайки. Сейчас бы крылья какие-нибудь!

– А это что такое? – Вдруг спросил Игорь, показывая куда-то вверх пальцем.

– Где?

Мы уставились в том направлении.

– Ну, вон, в скале...

Присмотревшись, мы заметили между скал более темное пятно, чем окружающий фон.

– Еще одна пещера?

– Посмотрим? – Спросил Игорь. – Вдруг там что-то есть! Может, проход найдем? Должен же был этот отшельник как-то общаться с внешним миром?

– На то он и отшельник, чтобы с внешним миром не общаться.

– Ну, хорошо, не общаться. Но пищу, воду ему как-то доставляли?

Рассудительный Игорь кивнул головой.

– В любом случае, посмотреть стоит. Может, действительно проход найдем. Нам выбирать не из чего.

Осторожно огибая и перелезая через валуны, чтобы не свалиться в воду, мы вдоль кромки воды дошли до искомого места. Потом немного поднялись кверху. Силы заканчивались, и ноги предательски подрагивали в коленях.

Это действительно оказалось пещерой. Внутри она встретила прохладой и легким полумраком. Где-то слышались капли падающей воды, шаги гулко отдавались в каменных сводах. Хорошо, что батарейки в фонарях еще не сели. Кто знает, сколько придется идти к выходу. Да и есть ли он?

Осторожно, стараясь не споткнуться о камни, мы продвигались вперед.

Лучи фонарей выхватывали высокий потолок и, как оказалось при ближайшем рассмотрении, гладко отделанные стены.

– Интересно, – сказал Сергей. – Чем они обрабатывали камень? Это же скальный гранит. Какие должны быть инструменты?

Пол постепенно выравнялся и превратился в ровную площадку. Да и сама пещера стала напоминать тоннель.

– Никогда такого не видел, – Игорь стал светить фонарем по стенам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.